

долгъ пассивнаго работника. Наоборотъ, Христосъ мыслится имъ какъ чистѣйшее вдохновеніе, какъ экстазъ, какъ нѣкое солнце, вліяюще, главнымъ образомъ, тепломъ своихъ лучей и нѣжнымъ свѣтомъ. Евангельскія притчи о работникахъ виноградаря и др. теряютъ характеръ суроваго понужденія и, сочетаясь съ завѣтомъ—быть какъ птицы небесныя, что не сѣютъ и не жнутъ,—обращаютъ человѣка только къ радостному выполненію душевнаго влеченія соединиться съ правдой и солнцемъ міра. И вотъ, раціоналистъ приходитъ къ слѣдующему утвержденію относительно «земной жизни Христа»:—«Христосъ во время своего плотскаго существованія вступилъ въ истинную жизнь, которая не прекращается, жилъ во время своего плотскаго существованія въ лучахъ свѣта отъ того другого центра жизни, къ которому онъшелъ».

Дальнѣйшія утвержденія Толстого о Благовѣстникѣ сводятся къ тому, что Онъ однѣ принесъ на землю истину, благодаря которой можно жить и не впасть въ смертельное отчаяніе и не умереть. Мы подымаемся здѣсь къ представленію о чемъ-то совершенно исключительномъ среди всего въ земной жизни, чему адекватнаго примѣра не можетъ найти умъ на всемъ пространствѣ жизни міра. Хри-